

Сайгё Горная хижина

Сайгё

Горная хижина

Сайгё

**Горная
хижина**

Сайгё

Горная
хижина

Перевод
со старояпонского
Веры Марковой

Москва
«Художественная
литература»
1979

И(Яп)
С14

Вступительная статья и
комментарии
Веры Марковой

Художники
И. Лившиц и Л. Орлова

С $\frac{70404-352}{028(01)-79}$ 226-78

© Переводы, вступительная статья,
комментарии, оформление. Издатель-
ство «Художественная литература»,
1979 г.

Предисловие

По дороге странствий волей или неволей кочевали многие поэты. Как вечные странники остались в памяти людей китайский поэт Ду Фу, таджикский поэт Саади. Дорога служила источником вдохновения. В стихах Саади звучат караванные колокольчики¹.

Посох в руке, изголовье из травы, узкая тропа через горы, — так странствовали японские поэты. Впервые образ поэта-скитальца создал в Японии Сайгё.

Человек необычной судьбы, Сайгё оставил дворец ради горной хижины.

Книга его стихов «Горная хижина» прославлена в японской поэзии. О нем уже вскоре после его смерти стали создавать легенды. Художники в сюитах картин на свитках изображали его странствия. К местам, некогда им воспетым, совершались паломничества. И даже теперь, спустя восемь веков, Сайгё четко и ясно выступает из глубин средневековья. Так навечно запечатлен орлиный профиль Данте. И так же, как Данте, Сайгё до сих пор остается загадкой, несмотря на кропотливые изыскания многих исследователей.

Поэзия его кристально ясна и проста, но вмещает в себе сложнейший мир мыслей и чувств. Буддийский монах, он был влюблен в красоту природы до одержимости. Натура страстная, мятущаяся, он стремился к спокойному созер-

¹ И. Брагинский. Двенадцать миниатюр. М., «Художественная литература», 1976, с. 213.

чанию, но исторические бури постоянно мешали этому. Певец печали, сумерек, одиночества, — писал стихи о детских играх.

Бежал от людей и тянулся к ним. Воин по происхождению — ненавидел войну. Изобразил мучения буддийского ада, а по существу, бедствия своего времени. Но Сайгё не мог бы написать на вратах ада: «Оставь надежду навсегда». Он верил, что даже на дно геенны может сойти милосердие, несущее свет.

Сайгё — поэт мысли, но даже достигая больших философских глубин, равнодушно мыслить он не может. Его картины природы, в сущности, — «пейзаж души». Скорбь Сайгё пронзительна, радость постижения красоты обжигает болью. Но даже доведенное до предела напряжение чувств разрешается в стройной гармонии, классически уравновешенной.

* * *

Японская лирика достигла в XII веке высокой степени совершенства. Поэтическая мода того времени требовала изощренного искусства версификации, «техницизма». Стихотворец, подобно атлету, должен был как бы напрягать свои мускулы: сложнее, еще сложнее!

Сайгё противопоставил моде простоту, очень непростую. Стихи его словно выливаются из сердца, естественно, с внутренней свободой, им не нужны украшения, призванные замаскировать подражательность и пустоту.

«Сайгё творил стихи, а другие их сочиняли», — сказал о нем его младший современник, знаток поэзии и сам замечательный поэт Фудзивара-но Садаиэ (1162—1241).

«Он не искал словесных украс, но говорил ясно и точно, вот почему так легко слушать его стихи». Эти слова высокой похвалы принадлежат Дзюнтоку-ин, поэту, жившему веком позже.

Творчество Сайгё питало собой всю последующую японскую поэзию. Многие талантливейшие поэты считали

себя его учениками. А быть учеником Сайгё не значило подражать ему, для этого Сайгё слишком неповторимо самобытен. Это значило — жить для поэзии.

* * *

Двенадцатый век — «Смутное время» Японии, переломное и бедственное. Сайгё «посетил сей мир в его минуты роковые».

В стране шла борьба за власть между старой родовой знатью и военными феодалами. Военные феодалы тоже разделились на два противоборствующих лагеря.

Оплотом аристократии был старый культурный центр страны с блещущей великолепием столицей Хэйан (ныне г. Киото). Главным оплотом военных феодалов — Северо-восток. Грубые и боевитые самураи в глазах утонченных аристократов — «восточные варвары». Но именно на этих «восточных варваров» работали силы истории. Крестьяне, задавленные непосильными поборами, бросали свои наделы и вливались в самурайские дружины.

Стремительно шла к закату прославленная в истории японской культуры хэйанская эпоха (IX—XII вв.). Конец ее отнюдь не мирный, прошлое уходило в судорогах и крови.

В пламени пожаров и междоусобиц гибнут дворцы, наполненные сокровищами искусства, зарастают травой, потому что хозяева скрылись неведомо где. Вместо раззолоченного экипажа ценится конь под седлом: он поможет в бою, бегстве и скитаниях. Высшие сановники, князья церкви, даже императоры узнали тяготы жизни: бесприютность, ссылку, забвение.

Ужасны народные бедствия: огонь и меч, голод, морозы поветрия косили людей. Земля дрожит, море выплескивается на берег, словно все стихии ополчились на человека.

Аристократический род Фудзивара, долгое время правивший Японией, теряет политическое влияние. Еще в

XI веке главари этого рода были на вершине славы и могущества. В двенадцатом — им осталось оплакивать былое.

На арену вышли два воинственных феодальных рода, Тайра и Минамото, и схватились между собой в яростной борьбе на взаимное уничтожение. Эпизоды этой междоусобицы живут в народном эпосе, на подмостках театров Но и Кабуки, в романах, а в наши дни во многих кинофильмах.

Сайгё (1118—1190) родился в один год с будущим диктатором Японии Киёмори из рода Тайра. Сайгё, или Сайгё-хоси (хоси — монашеское звание) — прозвище поэта, означает оно «К западу идущий». На западе, согласно учению некоторых буддийских сект, помещается рай будды Амида (санскр.: Амитабха). Огонь закатного солнца казался отблеском этого рая.

Подлинное имя поэта — Норикиё. Он принадлежал к знатному воинскому роду Сато, который числил своим предком одного из представителей северной ветви Фудзивара. Мать Сайгё происходила из рода Минамото.

Семья поэта сохранила наследственные связи с военными феодалами и в то же время была тесно спаяна со старой придворной служилой аристократией. Такое межумочное положение было очень характерно для того переходного времени.

Биография Сайгё окружена дымкой легенд, лучше всего он сам рассказал о себе в своей поэзии. Он рос в Хэйане (Киото), когда будущая трагедия этой столицы только еще подспудно назревала. Хэйан для него навсегда «старое селенье», любимый, родной город.

Сайгё с малых лет учили владеть оружием. Он был, как рассказывают, силен и ловок, отличался в игре с ножным мячом, метко стрелял в цель. В то же время изучение китайской классики (истории, философии, поэзии) было обязательным для каждого знатного юноши. Каждый умел сложить при случае пятистишие-танка, это входило в светский обиход и, в общем, не слишком затрудняло: суще-

ствовал набор стереотипов. На низшем уровне танка превратилась в аксессуар придворного быта, но она продолжала жить как высокая поэзия.

Сайгё рано осознал свое поэтическое призвание как единственно для него возможное. Для творчества нужна духовная свобода, но разорвать феодальные узы вассальной службы не так-то легко. Система феодализма с самого рождения намертво закрепляла человека на уготованном для него месте.

В юности Сайгё принадлежал к «воинам северной стороны», то есть к гвардии, охранявшей императорский дворец, — должность не столько боевая, сколько церемониально-декоративная. Служил он экс-императору Тоба (годы жизни: 1103—1156), человеку нелегкой судьбы.

Феодальные властители Японии предпочитали видеть на троне детей, которые были в их руках послушными марионетками. В возрасте двадцати лет император Тоба был вынужден отречься от престола и принять монашеский чин. Впрочем, инокескому искусу он не предавался и продолжал вести светский образ жизни.

Любовь к японской поэзии (танка) традиционно культивировалась при императорском дворе. Устраивались поэтические состязания. Каждый император хотел, чтобы в его время появилась особо замечательная антология и, увековечив его имя, способствовала блеску царствования. Некоторые императоры сами были выдающимися поэтами. Просвещенный государь старался привлечь к своему двору талантливых поэтов, тем самым неизбежно превращая их в царедворцев. Вот почему многие поэты стремились творить в отдалении от двора.

Танка — буквально «короткая песня». Как песня, зародилась она в недрах народного мелоса, но когда — на этот вопрос нелегко ответить. Трудно даже назвать столетие. В первых дошедших до нас записях, датированных VIII веком, уже можно выделить очень древние и старинные песни, где слышится звучание хора. Вначале танка — общее достояние народа. Даже когда поэт говорил о своем,

он говорил для всех. Единственное и неповторимое шло из общего источника и к нему возвращалось.

Поэтому так богата и многоцветна первая поэтическая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», VIII в.). В ней собраны не только танка, но и «длинные песни», не ограниченные размером.

Глубина чувства, искренность и простота роднят Сайгё с поэтами «Манъёсю».

Выделение литературной танка из песенной стихии совершалось очень медленно. Ее до сих пор читают напевно, следуя определенной мелодии. С танка тесно связан момент импровизации, поэтического наития, она словно сама рождалась на гребне эмоции.

Танка — долгожитель в мире поэзии, по сравнению с ней европейский сонет совсем молод. Ее структура выверена веками: в танка сказано немного, но как раз столько, сколько нужно.

Метрическая система предельно проста. Японская поэзия силлабична. Танка состоит из пяти стихов. В первом и третьем пять слогов, в каждом из остальных по семи: для танка характерен нечет.

И, как следствие этого, постоянно возникает то легкое отклонение от кристально-уравновешенной симметрии, которое так любимо в японском искусстве.

Ни само стихотворение в целом и ни один из составляющих его стихов не могут быть рассечены на две равно-великие половины.

Гармония танка держится на неустойчивом и очень подвижном равновесии. Это один из главных законов ее структуры, и возник он далеко не случайно.

В старинной поэзии, как россыпь драгоценных камней, которые можно было поместить в любую оправу, хранилось великое множество постоянных эпитетов и устойчивых метафор. Метафора привязывает душевное состояние к знакомому предмету или явлению и тем самым сообщает зримую, осязаемую конкретность и словно останавливает во времени.

Слезы трансформируются в жемчуга или багряные листья («кровавые слезы»). Тоска разлуки ассоциируется с влажным от слез рукавом. Печаль об уходящей юности персонифицируется в старом дереве вишни...

В маленьком стихотворении каждое слово, каждый образ — на счету, они приобретают особую весомость, значимость. Поэтому очень важна была символика — знакомый всем «язык чувств».

Унаследовав огромное богатство народного творчества, танка перешла в литературную поэзию. Танка стали шлифовать и гранить многоопытные мастера, знакомые с китайской классической поэзией. Стихи великих китайских поэтов эпохи Тан — Бо Цзюй-и, Ду Фу не были просто модной новинкой, но вошли в плоть и кровь японской литературы.

Танка — маленькая модель мира. Стихотворение разомкнуто во времени и пространстве, поэтическая мысль наделена протяженностью. Достигается это разными способами: читатель должен сам договорить, додумать, «до-чувствовать».

У танка историческое прошлое, она как бы перекликается с веками, но великие поэты, как Сайгё, всегда говорят по-новому. Стихи Сайгё уходят в будущее. Поэзия всегда ощущалась в старой Японии как связь времен, и даже более того: ее наделяли божественной жизнетворной силой.

Конечной рифмы танка не знает, но недаром ее по-прежнему зовут «песней»: она превращает человеческую речь в музыку.

Уже в IX веке были созданы поэтические каноны, непрекаемые образцы высокого искусства.

Особой славой пользовалась антология «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен»; 905 г.). Сайгё в свои преклонные годы советовал молодым поэтам изучать «Кокинсю».

В «Кокинсю» были установлены и закреплены поэтические темы. Архитектоника ее очень стройна. Каждая

танка самоценна, но, следуя друг за другом, они как бы получают дополнительные цвета. Расположены стихи по тематическим разделам.

Главное место занимает лирика природы и любви. В разделах «Весна», «Лето», «Осень», «Зима» создана движущаяся панорама времен года от первого и до последнего дня. Человек неотделим от природы, он живет в ее ритме, а природа — зримый образ его душевного мира.

В «Кокинсю» есть и другие разделы: «Славословия», «Разлука», «Путешествия», «Плачи». Мощно звучит тема любви.

В сборном цикле «Разные песни» открывались для поэта большие возможности: он мог говорить о многом.

В хэйанскую эпоху сложился и достиг полной зрелости классический стиль в искусстве. Возникшие ранее в Японии или занесенные в нее из-за моря разнородные элементы искусства подчинились единой художественно-эстетической системе и могли сочетаться между собой, не нарушая стройной гармонии. Стиль хэйанской эпохи уникален, он узнается сразу в поэзии и прозе, живописи и архитектуре.

Продуманная и уравновешенная гармония, чувство меры, утонченное изящество, плавные линии и мягкая гамма цветов, полутона и оттенки — вот что ценил хэйанец. Таков декор хэйанских дворцов и садов, рисунки на свитках. Ничего кричащего, резкого, неброская красота с легким привкусом меланхолии, «печальное очарование вещей» («моно-но аварэ»). Красота эфемерна. Все пройдет в этом иллюзорном мире и потому не имеет ценности, — так учит буддизм, — но парадоксальным образом быстро преходящее обретало особую ценность. Надо спешить наслаждаться прекрасным, потому что все явления мира, и в том числе жизнь человека, — не более чем пузырьки пены на морском песке.

Даже в дикой природе пейзажи выбирались, словно картины для тонкого ценителя, призванные разбудить поэтическое чувство. Самое название местности, прославлен-

ной своей красотой, — уже поэзия. Цветущие вишни на горах Ёсино, багряная парча осенних листьев на реке Тацута, снежная равнина Сано, — поэт рисует их легким прикосновением кисти. Одна-две детали дают толчок воображению.

В поэзии прочно установилась нормативная эстетика, отбор и фиксация, столь характерные для классицизма. Найдены и подчинены единому стилю темы, образы, художественные приемы, психологическая разработка, конструкция антологий. Составлены списки лучших поэтов: «шесть бессмертных», «тридцать шесть бессмертных».

Дорога проторена, по ней легко идти эпигону — и трудно самобытному поэту.

В XII веке наступает эпоха позднего классицизма. Прошла золотая пора Хэйана, и печальная красота «мононо аварэ» уже не способна выразить трагическое мироощущение, когда грозит «полная гибель всерьез».

Танка приближается к жизни, в ней начинает звучать сильный и достоверный голос человеческой боли. Поэты в изгнании пишут «*tristia*». Рамки изображаемого раздвигаются, условно-декоративный классический пейзаж становится более реальным. Конечно, нет недостатка и в сладких перепевах и в «элегических куку» подражателей, но появляется плеяда даровитых поэтов, которым дано сказать новое слово в японской лирике.

Поэт Фудзивара-но Тосинари (Сюндзэй; 1114—1204) немного старше своего друга Сайгё. Он происходил из семьи, где японская поэзия была своего рода культом. Законодатель поэтической моды, Тосинари обогатил искусство танка, но, в отличие от Сайгё, был, что называется, «кабинетным поэтом».

Как бы далеко ни уходил Сайгё в своих скитаниях, он всегда посылал ему свои стихи. Тосинари высоко ценил их, собирал и многое из них включил в составленную им официальную антологию «Сэндзайсю» (1183). Попасть в такой изборник считалось высшей честью для поэта. Лю-

бовь к поэзии Сайгё, заботу о ней он передал своему сыну — поэту Фудзивара-но Садаиэ.

Тосинари, Сайгё и высокоодаренная поэтесса Сикисинайсинно (1151?—1201) наиболее глубоко воплотили в поэзии конца хэйанской эпохи принцип «югэн». Скоро он сделался основным и ведущим в системе средневековой японской эстетики. «Югэнизм» оказал сильнейшее воздействие на поэзию танка и рэнга («сцепленные строфы»), на театр Но, живопись, керамику, садовое искусство.

«Югэн» (буквально: сокровенное и темное) был вначале философским термином китайского происхождения и означал извечное начало, скрытое в явлениях бытия. В японском искусстве «югэн» сокровенная красота, не до конца явленная взору. К ней можно указать дорогу, как залом ветки отмечает тропу в горах. Для этого довольно очень немного: намек, подсказа, штриха. «Югэн» может таиться и в том, что на первый взгляд безобразно, — как цветы прячутся в расщелинах темной скалы.

Такая красота требует неспешного сосредоточенного созерцания, отрешенности от мира суеты, зовет к одиночеству и покою. В человеческом сердце, как учит буддизм, живет высшее начало, и потому «югэн» взывает прямо к сердцу.

Это квинтэссенция возвышенного и печального поэтического чувства. Нелегко выразить его словами, и потому поэт прибегает к языку символов.

Облетающие цветы, листья, росинки, дым погребального костра — символы непрочности бытия. Луна, лунный свет — символ запредельного света и неземной чистоты. Символы стары, но чувство каждый раз как бы рождается заново, разбудить его — дело поэта.

Сайгё был верующим буддистом, как большинство людей его времени. Среди хэйанцев большим влиянием пользовалась необуддийская эзотерическая секта Сингон. Верование этой секты содержало элементы оккультной магии и мистицизма. Единственным спасителем признавался будда Дайнити (санскр.: Махавайрочана). Магия и ша-

манство глубоко вошли в быт, они практиковались и в исконной японской религии — синтоизме. Так, болезни лечили магическими средствами.

Гора Коя (в нынешней префектуре Вакаяма) почиталась священной у последователей Сингон, там находились чтимые храмы и подвизались отшельники.

Искать в природе таинственное, неизреченное, говорящее только сердцу, — разве не к тому же звала поэзия той эпохи, не в этом ли был смысл «югэн»?

В пятнадцатый день десятой луны 1140 года, двадцати лет от роду, Сайгё пошел на решительный шаг, требовавший большой силы воли. Он постригся в монахи, оставив вассальную службу и, по некоторым сведениям, семью: жену и маленькую дочь. Годы спустя Сайгё, как рассказывают, увидел свою жену, тоже принявшую постриг, и пролил слезы.

Уходя, он сложил прощальную песню:

Жалеешь о нем...
Но сожалений не стоит
Наш суетный мир.
Себя самого отринув,
Быть может, себя спасешь.

Последние строки допускают двоякое толкование: и религиозное и житейское. Бежал ли Сайгё от опасности? Пережил ли какую-то личную драму, или душный мирок придворных ему опротивел? Мы этого не знаем. Вернее всего, поэзия увлекла его в монашество.

Лирический герой «Горной хижины» — поэт-философ, влюбленный в красоту мира, добровольно избравший уединение, где он творит, «звуков и смятенья полн». Для Сайгё жизнь и поэзия нераздельны. Другие могли воспевать природу и одиночество во дворце столицы, только не он.

Пятьдесят лет прожил Сайгё в монашестве, но, по слухам, не пользовался особой славой как знаток священного писания и религиозный учитель. Его буддистские стихи не дидактичны. Мир для Сайгё полон грустной прелести и обаяния, он не в силах отринуть прекрасное. «Неразум-

ное сердце» поэта улетает вслед за облаком, похожим на цветущие вишни.

Среди многих рассказов о Сайгё есть и такой.

Высокоцитимый Монгаку, вероучитель секты Сингон, в свое время пользовавшийся большой славой, возненавидел Сайгё.

«Дурной монах! — говорил он про Сайгё своим ученикам. — Покинув мир, должно идти по прямому пути будды, как подобает подвижнику, он же из любви к стихам блуждает повсюду, сочиняя небылицы. Попадется мне на глаза — разобью ему голову посохом».

Однажды весной Сайгё пришел в монастырь и, полюбовавшись цветущими вишнями, попросился на ночлег. Монгаку пристально на него посматривал, к ужасу учеников, словно задумал что-то недоброе, но в конце концов, оказав ему вежливый прием, отпустил с миром.

Ученики любопытствовали, почему он так кротко обошелся с ненавистным Сайгё.

«Глупцы! — отвечал Монгаку. — Взгляните на его лицо. Ударить такого? Как бы он сам не хватил посохом меня, Монгаку».

В легендах Сайгё всегда выступает как человек, исполненный достоинства и силы. Когда феодальный вождь Минамото-но Ёритомо подарил ему серебряную курильницу в виде кошки, Сайгё бросил ее детям на дороге: «Вот вам игрушка!» Он не просто бродячий монах, он ведет себя как власть имеющий, и эта власть над людьми дарована ему поэзией.

Вечным скитальцем вошел Сайгё в поэзию и легенду. Так его изображает, например, знаменитый художник Сотацу (XVII в.): вот Сайгё глядит на гору Фудзи, вот он бредет под осенним бесконечным дождем...

Первые лет семь после своего пострижения Сайгё провел невдалеке от столицы. Хэйан (Киото) лежит в окружении гор. На горах Западных, Восточных, Северных стояли в самых живописных местах знаменитые буддийские храмы-монастыри. Сайгё переходил из одного в другой,

видимо, не подчиняясь монастырскому уставу, как свободный гость. Следует отметить, что во времена междоусобиц монастыри были хранителями культуры.

С миром поэзии он не порывал. Посылал стихи своим друзьям в Хэйане, не чуждался поэтических собраний, где сочиняли, по обычаю, стихи на какую-нибудь тему. Иногда сюжет подсказывала окрестная природа, другой раз картина на ширме. Стихи тут же обсуждались, такое живое общение очень важно для поэта. Вокруг признанного мастера собирались ученики и последователи. Они записывали его беседы, старались сохранить его стихи для потомства.

В «Горной хижине» немало поэтических диалогов. Сайгё обменивался стихами с другими поэтами. Иногда посылалась лишь одна строфа, танка легко делилась на две: начальное трехстишие и конечное двустишие. Надо было написать другую строфу так, чтобы получилась одна танка, вполне поэтически завершенная, — нелегкая задача.

Цепь можно было продолжить: так, во время поэтических состязаний родилась новая стихотворная форма — рэнга («сцепленные строфы»). Строфы следовали одна за другой в переливчатой игре контрастов, переходов, двойной игре образов.

Даже в тихих монастырях было беспокойно, история то и дело давала знать о себе. Из Хэйана приходили тревожные вести одна хуже другой. Борьба за власть между феодалами разгоралась. Знатнейшие подвергались опале, и среди них многие друзья и покровители Сайгё. Шатались и рушились вековые устои. Можно думать, что поэт пережил тяжелые душевные потрясения.

Сайгё отправляется на Север. Это было трудное и опасное паломничество. Путь шел по узкой тропе через горы Саё (Сая)-но Накаяма. Через много лет, когда Сайгё исполнится семьдесят, он вновь повторит это путешествие и сложит о нем бессмертные стихи.

Конечно, Сайгё не был безродным нищим монахом и даже высшие феодалы принимали его с почетом. Но велики были тяготы пути. В горах подстерегали разбой-

ники, и нелегко преодолеть высокие перевалы, когда идешь словно по облакам над самой бездной.

Сайгё совершил еще много путешествий в самые разные области Японии. Перед ним открывалась красота родной страны и тяжелая жизнь народа. Он проникал в самую глубь отдаленных гор, но повсюду его настигали страшные и печальные слухи о мятежах и междоусобицах. Множились личные потери.

Не помечая тропы,
Все глубже и глубже в горы
Буду я уходить,
Но есть ли на свете место,
Где горьких вестей не услышу?

Нельзя было уйти от трагических событий современной ему истории, от груза прошлого, от воспоминаний, от себя самого.

Лет от тридцати до шестидесяти с лишним Сайгё жил на горе Коя, священном месте для адептов секты Сингон. Заголовки к некоторым из его стихов гласят: «Написано па горе Коя». Сайгё никогда не прерывал свои поэтические труды.

Борьба между юго-западным кланом феодалов под водительством рода Тайра и северо-восточным лагерем, во главе которого стоял клан Минамото, шла с переменным успехом. В середине века власть в Японии захватил Киёмори из рода Тайра. Н. И. Конрад говорит о нем: «...в своем могущественном кулаке он крепко сжал дряблый, погрязший в интригах, выродившийся, всецело увлеченный обманчивым блеском чинов и церемоний хэйанский двор, скрутил некогда надменных канцлеров Фудзивара и, беспощадно сметая все со своего пути, готов был дать, — и однажды, в упоении властью, дал приказ, — остановиться солнцу»¹.

Киёмори удалось разгромить своих противников. На них обрушились жесточайшие преследования.

¹ «Восток». Сборник первый. «Литература Китая и Японии». М., «Academia», 1935, с. 242.

Сайгё оставался в стороне от схватки. Последние годы своей жизни он провел в Исэ, где находятся храмы исконной японской синтоистской религии и среди них святилище богини солнца Аматэрасу. Для японца того времени характерно двоеверие: синтоизм был близок сердцу Сайгё.

Великий поэт с неослабной силой продолжал дело своей жизни. Ученики записывали со слуха его стихи, его высказывания о поэзии.

В 1180 году Киёмори внезапно приказал перенести столицу из Хэйана в отдаленную местность Фукухара. У исконных жителей отняли землю. Жестоко страдали и новоселы, — построить дома было нелегко.

Вот что пишет об этом Сайгё: «Когда столицу перенесли в Фукухара, я был в Исэ и слагал песни о луне:

Заоблачный чертог...
Увы! Покинутой столицей
Он сделался теперь.
Но пусть луну пятнают тучи,
Не изменился чистый свет».

Всеобщее недовольство было настолько сильным, что Киёмори пришлось вернуться в Хэйан. В 1181 году он умер. Разжался железный кулак, в котором он держал Японию, и междоусобица вспыхнула снова.

«По всей стране воины встают на брань, и пет такого места, будь то на западе или востоке, на севере или юге, где не шли бы сражения. Страшно слышать, какое множество людей погибает!» — так говорит о тех временах престарелый поэт.

И в своем, казалось бы, надежном убежище — па священной для японцев земле Исэ — Сайгё создал стихи потрясающей силы о бедствиях своего времени.

Войска Тайра были разбиты наголову. В 1185 году феодалы под водительством Минамото-но Ёритомо нанесли им последний сокрушающий удар в битве при Данноура. У Сайгё были многочисленные дружеские связи с людьми из рода Тайра. Теперь ему пришлось узнать о их гибели,

и картина этой гибели походила на видение ада, столько в ней было нечеловеческого ужаса.

Существовало поверие, что мир живых отделяют от потустороннего мира горы Сидэ-но яма («Ведущие в смерть»). И через эти горы, пишет Сайгё в своих стихах, идут несметные вереницы убиенных воинов.

Лирика Сайгё говорит о том же, что народный эпос того времени, но народный эпос широк, как море. Танка Сайгё о бедствиях войны — короткие вспышки молний.

В 1190 году Сайгё скончался в полнолуние весеннего месяца «кисараги», как он когда-то пожелал в одном из своих стихотворений.

* * *

«Горная хижина» («Санкасю») — само название содержит глубокий и емкий смысл. Разворачивается длинный свиток, и перед нами проходят не только картины природы, но вся жизнь поэта-странника. Горная хижина — временный приют на пути. Горы сами по себе прекрасны, а для средневекового японца они населены мифами и легендами, в них живут древние боги. Для читателя приобщение к прекрасному и неизреченному начиналось уже с названия книги.

Горную хижину мы видим во все времена дня, ночью и днем, на восходе и на закате. Друзья забыли к ней дорогу, а как хочется иногда поговорить с кем-то, кто тебе по душе. Особенно зимой, когда снег замел все тропы.

Кругом теснится бедное селенье. Люди ушли в горную глушь не по своей доброй воле, они обречены жить здесь, в хижинах, крытых травой. Весной, когда все работают на полях, не умолкают голоса соловьев. Иногда слышны голоса детей, пронзительный писк соломенной свистульки.

Но вот поэт уходит из своей горной хижины, чтобы прийти в другую... Длится цепь танка, долгая, как сама жизнь.

До сих пор остается не вполне ясным: составил ли эту знаменитую книгу сам поэт или его ученики. Быть может, она плод труда многих людей? Как бы то ни было, немало стихов приобщалось после смерти поэта — из кладовых памяти, или же найдены были стихи, начертанные рукой самого Сайгё, и их стремились уберечь от забвения.

В дневнике одного монаха осталась запись о том, что автограф «Горной хижины» действительно существовал и погиб при пожаре в книгохранилище монастыря.

«Горная хижина» содержит более тысячи пятисот стихотворений, из них семьдесят семь принадлежат другим поэтам. Соучастники поэтических диалогов — известные стихотворцы или безымянные: «некий человек». Получив танка по какому-нибудь случаю, полагалось послать «ответную песню» («каэси-ута»).

Стихи в «Горной хижине» расположены тематически, по образцу «Кокинсю».

Сначала идут времена года, от первого его дня до последнего: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима». Потом небольшой цикл «Любовь». И, наконец, «Разные песни», на любую тему. Там собраны стихи о любви и странствиях, философские размышления, «горестные заметы» о трудных временах. Танка, написанные, казалось бы, на самые жгучие темы современности, смотрят на века вперед.

Вслед за основным составом книги в современных изданиях следует небольшое приложение: стихи, записанные по памяти или на слух учениками Сайгё. Именно здесь сохранились замечательные стихи о войне и аде, цикл «Детские забавы».

Всего в разных списках и вариантах до потомства дошло две тысячи с небольшим стихотворений Сайгё.

Согласно давней традиции, стихам предпосылаются краткие заголовки или развернутые вступления. Иногда это всего лишь одно слово «кукушка», «луна». Краткие заголовки часто писались по-китайски, но японская проза явно побеждает. В цикле стихов об аде проза великолепна, по стилю она напоминает хэйанские романы.

При помощи заголовков стихотворения группируются в циклы: «Десять зимних песен», «Пятнадцать песен о цветущих вишнях». Сообщаются подробности о том, когда и по какому поводу сложено стихотворение. Или просто помечено — «Без заглавия».

Сайгё вводит в свои стихи слова из обиходной речи. И здесь он тоже по-новаторски смел и свободен. Общепринятый поэтический словарь для него слишком узок и ортодоксален. Начиная с «Кокинсю», поэзия танка замкнута в кругу хэйанских аристократов и густо пропитана столычным бытом. Сайгё снова выводит ее на простор страны. Он обновляет все: темы, словарь, материал. Дорога его лежит в стороне от современной ему поэзии, но именно на эту дорогу выйдут лучшие поэты последующих поколений.

Сайгё умел сложное сводить к простому, по простота его поэзии обманчива. В каждом стихотворении, таком, казалось бы, понятном, скрыта своя тонкость, которая открывается лишь внимательному взгляду.

В стихах у Сайгё мало традиционных украшений: они ему просто не нужны. Постоянные эпитеты, бытующие еще со времен «Манъёсю», попадаются редко. Лишь иногда Сайгё прибегает к популярной в средневековой поэзии игре слов, используя омонимы в разных значениях так, чтобы у стихотворения образовалось как бы двойное дно.

В его время был популярен прием «хонкадори». В танка вплетались строки из знаменитейших стихотворений. Это не было плагиатом; искушенный читатель сразу узнавал заимствование. Не было это и «скрытой цитатой», старый образ осмыслялся по-новому. Чаще всего постоянные метафоры и «кочующие строки» появлялись в начале танка, как своего рода зачин. Сайгё не часто пользуется таким трамплином, ему нужно все небольшое пространство танка, чтобы сказать о своем и по-своему.

Сайгё больше поэт, чем монах, но все же он поэт-монах. Он глубже других поэтов передал буддийские идеи: скорбь о том, что быстротечное бытие есть страдание, и надежду на конечное освобождение. Буддисты верили

в перевоплощение (трансмиграцию) души. Надо, чтобы затухли все человеческие страсти, все желания, все привязанности, чтобы порвать связь с земным бытием. Иначе душа, пройдя сквозь горнило чистилища, опять вернется на землю для новых воплощений и не достигнет нирваны. Лишь в нирване она сольется с высшим духовным началом и «колесо бытия» остановится для нее навсегда. В буре времен мысль о вечности становилась опорой.

Но мог ли поэт не любить красоту мира? Мог ли не скорбеть о бедствиях родины? Мог ли не заплакать, внезапно узнав в монахине покинутую жену?

Любовь к природе и к людям накрепко привязывала к «колесу бытия». Земные чувства победить не удавалось и в тайниках души не хотелось победить.

Сайгё избрал своим уделом одиночество, но поэт никогда не одинок, даже когда он говорит сам с собою. Поэзия требовала общения хотя бы с ближайшими друзьями. А если друзей поблизости нет, он беседует с птицами или ветром.

Эти противоречия неразрешимы, но именно они-то и создают богатство и многогранность духовного мира. Танка Сайгё гармонически связывают между собой контрастные темы.

У Сайгё слово «сердце» выступает в трех разных значениях. Это неразумное человеческое сердце, не послушное никакому буддийскому закону. И есть еще «глубинное сердце». В нем-то и живет высшее духовное начало мира, маленький росток, из которого может вырасти будда. И, наконец, «сердце» — это возвышенная поэзия.

Лучшие стихи Сайгё полны задумчивой печали. В этом особенность его поэзии, ее настрой. Во время тяжелых исторических испытаний любовь к спокойной красоте как бы вычленена из окружающего мира.

Грозная тема судьбы лежит за пределами стихотворения, по она ощущалась современниками.

Так, например, слова «глубокая долина» рождает картину окружающих гор. Контраст не раскрыт, но он оста-

ся, трагические события все равно отбрасывают свою тень на любое стихотворение о природе.

Время для Сайгё — утраченное время или предвкушение того, что еще не наступило. Он поэт ожидания, разлуки. Страх потери порой заглушает в нем радость встречи с прекрасным. Даже любясь цветущей вишней, он испытывает чувство томления, потому что она неизбежно опадет.

Любовь у Сайгё чаще всего — неизгладимое воспоминание. Он тоскует о какой-то женщине, оставленной в столице: жене или возлюбленной, кто знает? Глубок и тонок психологический анализ любви. Укоряя жестокую возлюбленную, — традиционный мотив хэйанской поэзии, — Сайгё винит себя самого.

* * *

«Разные песни» — очень большой раздел антологии. В некоторых списках выделены группы: «Странствия», «Славословия», «Плачи», «Песни о богах и буддах». Здесь же находятся песни о современных событиях, иногда с большими пояснительными вступлениями.

Цикл стихов о буддийском аде знаменит в истории японской поэзии. Он состоит из двадцати семи стихотворений в оправе могучей прозы.

Согласно буддийским представлениям и народным легендам, душа умершего уходит по горной тропе, где в загробном царстве ей сопутствует кукушка. Перевалив через Сидэ-но яма — Горы смерти — душа видит перед собой новую преграду: «Реку тройной переправы». Праведные перейдут по мосту, люди, не слишком обремененные грехами, вброд. Тяжкие грешники погрязнут в пучине.

Судит грешников владыка преисподней князь Эмма (санскр. Яма). В добуддийской древней индийской мифологии он — первочеловек, хранитель мира предков. Под началом Ямы воинство демонов. Стражи и палачи — демоны — не лишены сострадания, ведь они лишь вершат возмездие, повинуюсь законам Кармы.

Душу грешника очищают страшными пытками. Иные фантастические видения в стихах Сайгё напоминают дантовский ад, например, люди, превращенные в деревья.

В буддийском аду восемь областей. Первые четыре танка: сходжение в ад. Все ниже и ниже ведет нас поэт: в огненную геенну. Картины ада беспощадны: где-то рядом томятся отец и мать.

Самая нижняя область Аби (санскр. Авичи) — вечный ад, но и туда приходит милосердный бодхисаттва Дзидзо (санскр. Кшитигарбха), утешитель грешников в аду, а на земле защитник странников и малолетних детей. Статуи Дзидзо обычно стояли на дорогах Японии.

Даже из вечного ада можно было спастись, если душа наконец осознает свою сопричастность к высшему началу. Тогда наступит «озарение»...

Дантовский ад заключает строка: «И здесь мы вышли вновь узреть светила» (перевод М. Лозинского).

Словами «рассветное небо», выходом из тьмы на свет, кончаются и. песни об аде, созданные Сайгё.

Он жил в сумеречном мире, но поэзия была его светом. Печаль Сайгё не безысходна, в ней всегда живет предвосхищение лунного или утреннего света.

* * *

Уже при жизни Сайгё был окружен великой славой, и в дальнейшем она все продолжала расти.

В знаменитый изборник «Синкокинсю» («Новый Кокинсю», 1201 г.) было включено девяносто четыре танка Сайгё. «Синкокинсю» — один из величайших памятников японской поэзии. Престиж его был огромен. Отныне поэзия Сайгё была введена в круг чтения, обязательный для каждого культурного человека.

Лучшие поэты средневековой Японии восхищались творчеством Сайгё, изучали его. В их числе мастер «сцепленных строк» Соги (XV в.), поэты, слагавшие трехстишия-хокку: великий Басё (XVII в.), Бусон (XVIII в.).

Вот какое стихотворение сочинил Басё на берегу залива, где некогда жил Сайгё:

Может, некогда служил
Тушечницей этот камень?
Ямка в нем полна росы.

Все, к чему, казалось, могла прикоснуться рука Сайгё, вызывало поэтический отклик.

Сайгё «поэт для всех времен». Новый читатель по-прежнему наслаждается красотой бессмертных стихов «Горной хижины». Множатся посвященные ей труды. Книга вновь и вновь переиздается; танка, выбранные из «Горной хижины», украшение любой антологии.

Представляя на суд советского читателя стихотворения Сайгё в русском переводе, мы просим помнить:

каждая танка — короткая поэма;

танка нельзя «пробегать глазами», они требуют неспешного сосредоточенного чтения;

полноценное восприятие поэзии — творческий акт, японский поэт стремится дать простор воображению читателя;

японская природа во многом непохожа на нашу, но весна, лето, осень, зима будят в любом человеке сходные чувства.

В России прощаются с журавлями осенью, в Японии весной, но и здесь и там провожают их с грустью и тревогой: вернутся ли?

Сайгё больше всего любил цветущие вишни.

В русской поэзии воспевается не только яблоневый цвет, но и вишневый:

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят...

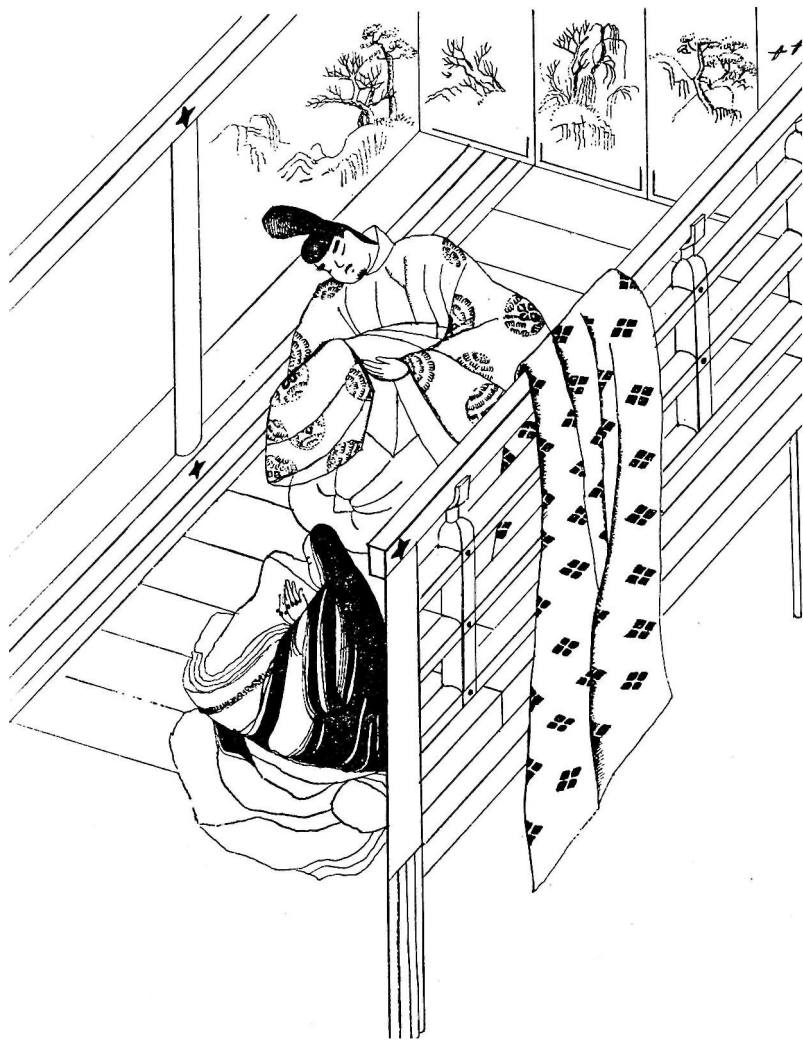
(Н. Некрасов. «Зеленый шум»)

Вишневый сад у Чехова тоже символ красоты.

Каждый великий поэт тем и велик, что понятен не только своему народу, но и всем народам мира.

Вера Маркова

Времена
года

Весна

Сложил в первое утро весны

Окончился год.
Заснул я в тоске ожидания,
Мне снилось всю ночь:
«Весна пришла». А наутро
Сбылся мой вещий сон.

* * *

Зубцы дальних гор
Подернулись легкой дымкой...
Весть подают:
Вот он, настал наконец
Первый весенний рассвет.

* * *

Замкнутый между скал,
Начал подтаивать лед
В это весеннее утро.
Вода, пробиваясь сквозь мох,
Ощупью ищет дорогу.

Песня весны

Вижу я, растопились
На высоких вершинах гор
Груды зимнего снега.
По реке «Голубой водопад»
Побежали белые волны.

*О том, как во всех домах празднуют
приход весны*

У каждых ворот
Стоят молодые сосны.
Праздничный вид!
Во все дома без разбора
Сегодня пришла весна.

Дымка на морском побережье

На морском берегу,
Где солеварни курятся,
Потемнела даль,
Будто схватился в борьбе
Дым с весенним туманом.

*Вспоминаю минувшее
во время сбора молодых трав*

Туман на поле,
Где молодые травы собирают,
До чего он печален!
Словно прячется юность моя
Там, вдали, за его завесой.

Соловьи под дождем

Соловьи на ветвях
Плачут, не просыхая,
Под весенним дождем.
Капли в чаще бамбука...
Может быть, слезы?

Соловьи в сельском уединении

Голоса соловьев
Повсюду сочатся сквозь дымку...
Такая стоит тишина.
Не часто встретишь людей
Весною в горном селенье.

*Если б замолкли голоса соловьев в долине,
где я живу*

Когда б улетели прочь,
Покинув старые гнезда,
Долины моей соловьи,
Тогда бы я сам вместо них
Слезы выплакал в песне.

* * *

Оставили соловьи
Меня одного в долине,
Чтоб старые гнезда стеречь,
А сами, не умолкая,
Поют на соседних холмах.

Фазан

Первых побегов
Свежей весенней травы
Ждет не дождется...
На омертвелом лугу
Фазан жалобно стонет.

* * *

Весенний туман.
Куда, в какие края
Фазан улетел?
Поле, где он гнезвился,
Выжгли огнем дотла.

* * *

На уступе холма
Скрылся фазан в тумане.
Слышу, перепорхнул.
Крыльями вдруг захлопал
Где-то высоко, высоко...

Слива возле горной хижины

Я жду того, кто придет
В поисках аромата,
Пока в нашем горном селе
До конца не осыплется
Слива возле плетня.

* * *

В сердце запечатлей!
Там, где возле плетня
Слива благоухает,
Случайный прохожий шел,
Но замер и он, покоренный.

* * *

Если этой весной,
Грубый плетень задевая,
Кто-то придет сюда
Дышать ароматом сливы,
Он станет другом моим!

*Когда я жил в Сага, то из монастырского сада
по ту сторону дороги ко мне долетал аромат
сливы*

Что же хозяин?
Верно, чуть ветер повеет,
Полон тревоги?
Даже поодаль сладок
Запах цветущей сливы.

Цветущая слива возле старой кровли

Невольно душе мила
Обветшала эта застреха.
Рядом слива цветет.
Я понял сердце того,
Кто раньше жил в этом доме.

* * *

Приди же скорей
В мой приют одинокий!
Сливы в полном цвету.
Ради такого случая
И чужой навестил бы...

*Сложил, глядя на сливу перед
горной хижиной*

Благовоние сливы
Ты привезял в ложбину меж гор,
О весенний ветер!
Если кто проникнет сюда,
Напой густым ароматом.

Дикае гуси улетають в тумане

Отчего-то сейчас
Такой ненадежной кажется
Равнина небес!
Исчезая в сплошном тумане,
Улетают дикие гуси.

* * *

Перелетные гуси,
Боюсь, заблудились вы
По дороге на север,
Туманом ограждены
Горы Коси-но Накаяма.

Летят дикие гуси

Словно приписка
В самом конце посланья —
Несколько знаков...
Отбились в пути от своих
Перелетные гуси.

Ивы под дождем

Зыблются все быстрей,
Чтоб ветер их просушил,
Спутаны, переплелись,
Вымокли под весенним дождем
Нити зеленой ивы.

Прибрежные ивы

Окрасилось дно реки
Глубоким зеленым цветом.
Словно бежит волна,
Когда трепещут под ветром
Ивы на берегу.

Жду, когда зацветут вишни

В горах Ёсино
На ветках вишневых деревьев
Россыпь снежка.
Нерадостный выдался год!
Боюсь, цветы запоздают.

* * *

Забывать о весне,
Знаю, дольше не может
Ни один цветок!
День еще дотяну,
Ожидая спокойно.

* * *

Тревога берет!
Где, на какой вершине
Окрестных гор
Цветы долгожданные вишен
Первыми зацветут?

* * *

Шел я в небесную даль,
Куда, я и сам не знаю,
И увидел наконец:
Меня обмануло облако...
Прикинулось вишней в цвету.

* * *

В горах Ёсино
Долго, долго блуждал я
За облаком вслед.
Цветы весенние вишен
Я видел — в сердце моем.

*Из многих моих стихотворений
о вишневых цветах*

Дорогу переменю,
Что прошлой весной пометил
В глубинах гор Ёсино!
С неведомой мне стороны
Взгляну на цветущие вишни.

* * *

Горы Ёсино!
Там видел я ветки вишен
В облаках цветов,
И с этого дня разлучилось
Со мною сердце мое.

* * *

Куда унеслось ты,
Сердце мое? Погоди!
Горные вишни
Осыплются, — ты опять
Вернешься в свое жилище.

* * *

Увлечено цветами,
Как сердце мое могло
Остаться со мною?
Разве не думал я,
Что все земное отринул?

* * *

Ах, если бы в нашем мире
Не пряталась в тучи луна,
Не облетали вишни!
Тогда б я спокойно жил,
Без этой вечной тревоги...

* * *

Гляжу на цветы.
Нет, они не причастны.
Я их не виню!
Но глубоко в сердце моем
Таится тревожная боль.

* * *

О, пусть я умру
Под сенью вишневых цветов!
Покину наш мир
Весенней порой «кисараги»
При свете полной луны.

*Когда я любовался цветами на заре,
пели соловьи*

Верно, вишен цветы
Окраску свою подарили
Голосам соловьев.
Как нежно они звучат
На весеннем рассвете!

Увидев старую вишню, бедную цветами

С особым волненьем смотрю...
На старом вишневом дереве
Печальны даже цветы!
Скажи, сколько новых весен
Тебе осталось встречать?..

*Когда слагали стихи на тему картины
на ширмах, я написал о тех людях, что лишь
издали смотрят, как сановники Весеннего дворца
толются вокруг цветущих вишен*

Под сенью ветвей
Толпа придворных любит...
Вишня в цвету!
Другие смотрят лишь издали.
Им жалко ее аромата.

*Из многих моих песен на тему:
«Облетевшие вишни»*

Волны молчали,
Буйство ветра смирял
Государь Сиракава,
Но и в его времена
Вишен цветы осыпались...

* * *

Ну что ж! Хорошо!
О мире другом, не нашем,
Вспомню опять,
Взгляну на опавший цвет,
Не опасаясь ветра.

* * *

Припомню ли, сколько лет
Я ждал вас, я с вами прощался,
Горные вишни в цвету.
Сердце свое вконец
Я истомил весной.

* * *

Весенний ветер
Развеял вишневый цвет
Лишь в сновиденье.
Очнулся, но сердце мое
Тревога еще волнует...

* * *

В горах Ёсино
Вместе с цветами вишен
Через вершину летит
Буря, как белое облако...
Издали не различить.

* * *

Думай лишь об одном!
Когда все цветы осыплются,
А ты под сенью ветвей
Будешь жить одиноко,
В чем сердце найдет опору?

* * *

Когда лепестки засыплют
Меня под вишневым деревом,
Тогда всю ночь до рассвета
Я буду о вас тревожиться,
Еще непрозрачные ветви.

* * *

Слишком долго глядел!
К вишневым цветам незаметно
Я прилепился душой.
Облетели... Осталась одна
Печаль неизбежной разлуки.

Фиалки

Кто он, безвестный?
На меже заглохшего поля
Собирает фиалки.
Как сильно, должно быть, печаль
Сердце его омрачила.

Горные розы

В горькой обиде
На того, кто их посадил
Над стремниной потока,
Сломленные волной,
Падают горные розы.

Лягушки

В зацветшей воде,
Мутной, подернутой ряской,
Где луна не гостит, —
«Там поселиться хочу!» —
Вот что кричит лягушка.

*Стихи, сочиненные в канун первого дня
третьей луны*

Весна уходит...
Не может удержать ее
Вечерний сумрак.
Не оттого ли он сейчас
Прекрасней утренней зари?

Лето

* * *

К старым корням
Вернулся весенний цвет.
Горы Ёсино
Проводили его и ушли
В страну, где лето царит.

Песня лета

Срезаны травы,
Чтобы расчистить дорогу
К горной деревне.
Открылось мне сердце того,
Кто искал цветущие вишни.

*Услышав, как в первый раз запела кукушка,
когда я соблюдал обет молчания*

Зачем, о кукушка,
Когда говорить я невластен,
Сюда летишь ты?
Что пользы внимать безответно
Первой песне твоей?

Цветы унохана в ночную пору

Пусть нет в небе луны!
Обманчивей лунного света
Цветы унохана.
Чудится, будто ночью
Кто-то белит холсты.

Стихи о кукушке

Слышу, кукушка
С самой далекой вершины
Держит дорогу.
Голос к подножию гор
Падает с высоты.

* * *

«Кукушки мы не слышали,
А близок уже рассвет!» —
На всех написано лицах...
И вдруг — будто ждали его! —
Раздался крик петуха.

* * *

Еще не слышна ты,
Но ждать я буду вот здесь
Тебя, кукушка!
На поле Ямада-но хара
Роща криптомерий.

* * *

Кукушка, мой друг!
Когда после смерти пойду
По горной тропе,
Пусть голос твой, как сейчас,
О том же мне говорит.

* * *

Твой голос, кукушка,
Так много сказавший мне
Вночную пору, —
Смогу ли когда-нибудь
Его позабыть я?

* * *

Пускай благовонием
Манит тебя померанец,
Но эту изгородь,
Где унохана цветут,
Не позабудь, кукушка!

Дожди пятой луны

Мелкий бамбук заглушил
Рисовые поля деревушки.
Протопанная тропа
Снова стала болотом
В этот месяц долгих дождей.

* * *

Дожди все льются...
Ростки на рисовых полях,
Что будет с вами?
Водой нахлынувшей размыта,
Обрушилась земля плотин.

* * *

В тихой заводи
К берегу когда-то прибилась
Утопное дерево,
Но стало плавучим мостом...
Долгих дождей пора.

Источник возле горной хижины

Лишь веянья ветерка
Под сенью ветвей отцветших
Я жду не дождусь теперь,
Снова в горном источнике
Воды зачерпну пригоршню...

Болотный пастушок в глубине гор

Должно быть, лесоруб
Пришел просить ночлега,
В дверь хижины стучит?
Нет, это в сумерках кричал
Болотный пастушок.

Без заглавия

В летних горах
Дует понизу ветер вечерний,
Знобит холодком.
Под сенью густых дубов
Стоять не слишком приятно...

Гвоздики под дождем

Капли так тяжелы!
Гвоздики в моем саду,
Каково им теперь?
До чего яростный вид
У вечернего ливня!

Стихи на тему: «Путник идет в густой траве»

Путник еле бредет
Сквозь заросли... Так густеют
Травы летних полей!
Стебли ему на затылок
Сбили плетеную шляпу.

* * *

Жаворонок парит
Над густым тростником равнины,
Жаркое лето пришло.
Где бы дерево мне найти,
В тени подышать прохладой?

Смотрю на луну в источнике

Пригоршню воды зачерпнул.
Вижу в горном источнике
Сияющий круг луны,
Но тщетно тянутся руки
К неуловимому зеркалу.

* * *

У самой дороги
Чистый бежит ручей.
Тенистая ива.
Я думал, всего на миг,
И вот — стою долго-долго...

* * *

Всю траву на поле,
Скрученную летним зноем,
Затенила туча.
Вдруг прохладой набежал
На вечернем небе ливень.

Песня о летней луне

В горном потоке
Сквозь преграды камней
Сыплются волны,
Словно град ледяной,
В сиянье летней луны.

* * *

Летней порою
Луну пятнадцатой ночи
Здесь не увидишь.
Гонят гнуса дымом костра
От хижины, вросшей в землю.

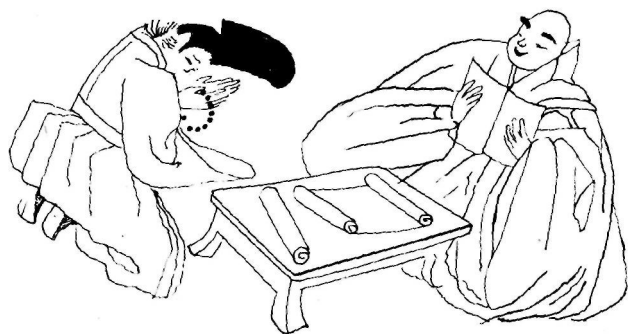
Ждут осени в глубине гор

В горном селенье,
Там, где густеет плющ
На задворках хижин,
Листья гнутся изнанкой вверх...
Осени ждать недолго!

*Сочинил во дворце Кита-Сиракава,
когда там слагали стихи на тему:
«Ветер в соснах уже шумит по-осеннему»,
«В голосе воды чувствуется осень»*

Шум сосновых вершин...
Не только в голосе ветра
Осень уже поселилась,
Но даже в плеске воды,
Бегущей по камням речным.

Осень

Из песен осени

* * *

О многих горестях
Всё говорит, не смолкая,
Ветер среди ветвей.
Узнали осень по голосу
Люди в горном селенье.

*Когда в селенье Токива слагали стихи
о первой осенней луне*

«Осень настала!» —
Даже небо при этих словах
Так необычно...
Уже чеканит лучи
Едва народившийся месяц...

* * *

Никого не минует,
Даже тех, кто в обычные дни
Ковсему равнодушны, —
В каждом сердце родит печаль
Первый осенний ветер.

* * *

О, до чего же густо
С бесчисленных листьев травы
Вдруг посыпались росы!
Осенний ветер летит
Над равниной Миягино!

* * *

Дует холодный вихрь.
Все на свете тоскою
Он равно напоит.
Всюду глядит угрюмо
Осеннего вечера сумрак.

* * *

Сейчас даже я,
Отринувший чувства земные,
Изведал печаль.
Бекас взлетел над болотом...
Темный осенний вечер.

* * *

Кто скажет, отчего?
Но по неведомой причине
Осеннею порой
Невольно каждый затомится
Какой-то странною печалью.

* * *

В памяти перебираю
Все оттенки осенней листвы,
Все перемены цвета...
Не затихает холодный дождь
В деревне у подножия гор.

* * *

На рисовом поле
У самой сторожки в юрах
Стоны оленя.
Он сторожа дрему прогнал,
А тот его гонит трещоткой.

* * *

Скажите, зачем
Так себя истомил я
Сердечной тоской?
Не от моих ли жалоб
Осень все больше темнеет?

Луна

На небе осени
Она наконец явилась
В вечернем сумраке,
Но еле-еле мерцает,
Луна — по имени только.

* * *

Равнина небес.
Луна полноты достигла.
Тропу облаков,
Единственную из всех,
Избрал для странствия ветер.

* * *

О, радостный миг! —
Наверно, подумал каждый,
Кто ждал во тьме.
Взошла над зубцами гор
Осенней ночи луна.

* * *

Как же мне быть!
На моем рукаве увлажненном
Сверкает свет,
Но лишь прояснится сердце,
В тумане меркнет луна.

* * *

Ни темного уголка...
Но кажется, ключья тучи
Затмевают луну?
Нет, это взор обманули
Тени пролетных гусей.

* * *

Все озарилось.
Поистине так светла
Эта лунная ночь,
Что сердце уплыло ввысь.
Там и живет — на небе.

* * *

Гляжу без конца,
Но это не может быть правдой,
Не верю глазам.
Для ночи, для нашего мира
Слишком ярко горит луна.

* * *

Пусть это правда!
Но ведь гляжу я один.
Кто мне поверит,
Когда про луну этой ночи
Поведаю людям — после?

* * *

Развев тучи,
Буря еще шумит...
Кажется, в соснах?
Зеленым светом лучится
Даже луна в небесах.

* * *

В неурочный час
Вдруг петухи запели.
Верно, их обманул
Этой осенней ночью
Слепительный свет луны.

* * *

Всё без остатка
Меняется и уходит
В нашем бренном мире.
Лишь один, в сиянье лучей,
Лунный лик по-прежнему ясен.

* * *

Зашла и она,
Луна, что здесь обитала,
На лоне воды.
Ужель в глубине пруда
Тоже таятся горы?

*Ожидаю в одиночестве
ночь полнолуния*

Нет в небе луны,
Нигде до ее восхода
Не брезжит свет,
Но самые сумерки радостны!
Осенняя ночь в горах.

Лунная ночь возле храма

Светло, как днем,
Я бы зари не заметил,
Так сияет луна,
Но время вдруг возвестил
Ближнего храма колокол.

Пятнадцатая ночь восьмой луны

Как сильно желал я
Дождаться! Продлить мой век
До этой осенней ночи.
На время — ради луны —
Мне стала жизнь дорога.

*Глубокой ночью
слушаю сверчка*

«Сейчас я один царю!»
Как будто владеет небом
На закате луны,
Ни на миг не смолкает
В ночной тишине сверчок.

* * *

Сверчок чуть слышен.
Становятся все холодней
Осенние ночи.
Чудится, голос его
Уходит все дальше, дальше...

Цикады в лунную ночь

Росы не пролив,
Ветку цветущую хаги
Тихонько сорву.
Вместе с лунным сияньем,
С пеньем цикады.

Олень лунной ночью

Родится в душе
Ни с чем не сравнимое чувство...
Осенняя ночь.
На скале, озаренной луной,
Стонущий крик оленя.

Лунной ночью думаю о давней старине

Глубокую старину,
То, что давно минуло,
Стану я вспоминать,
Даже если луну этой ночи
Затуманят вдруг облака.

Утром слушаю крики гусей

На ранней заре,
Лишь ветер с вершиною разлучил
Гряды облаков,
Через гору переметнулись
Крики первых прилетных гусей.

*Крик дикого гуся
приближается издалика*

Дикий гусь в вышине,
На крыльях своих несущий
Белые облака,
Слетает на поле у самых ворот,
Где друг зовет одинокий.

*В сумерках вечера слышу голоса
диких гусей*

Словно строки письма
Начертаны черной тушью
На вороновом крыле...
Гуси, перекликаясь, летят
Во мраке вечернего неба.

Гуси в тумане

Конец послания
Уже невидим вдали.
Гусей перелетных
Голоса понемногу стихают —
И растворились в тумане.

Туман над горной деревней

Густые туманы встают,
Все глубже ее хоронят...
Забвенна и без того!
Как сердцу здесь проясниться?
Деревня в глубинах гор!

* * *

С самого вечера
Перед бамбуковой дверью
Туманы стелются.
Но вот поредели... Так, значит,
Уже занимается утро?

Олень и цветы хаги

Клонятся книзу
Старые ветви хаги в цвету,
Ветру послушны...
Гонятся один за другим
Дальние крики оленя.

*Услышав, что одна дама, с коей в былые времена
я сердечно беседовал, ныне живет в Фусими,
отправился я навестить ее. Дорожки сада
заглушила трава, жалобно кричали цикады*

Раздвигаю траву.
Словно хотят печалью
Отяжелить рукава,
В саду, роняющем росы,
Даже цикады плачут...

Из песен о сверчках и цикадах

Вечер настал.
Там, где на мелком бамбуке
Жемчуг росы,
В тишине зазвучала
Первая песня сверчка.

* * *

Плачете на лугу,
Словно вам тоже знакома,
Цикады, тоска любви?
Если б могли ответить,
Я бы спросил у них,

* * *

Ужели рукава
Лишь оттого окроплены росой,
Что слушаю цикад?
Какая странность! Это я,
Я сам тоскую отчего-то...

Хризантемы

Осенью поздней
Ни один не сравнится цветок
С белою хризантемой.
Ты ей место свое уступи,
Сторонись ее, утренний иней!

На осенней дороге

«Когда ж наконец
Ты окрасишь кленовые листья
В багряный цвет?» —
Спросить я хочу у неба,
Затуманенного дождем.

Кленовые листья становятся все ярче

Всему есть предел.
Разве может еще сгуститься
Этих листьев цвет?
Дождь сыплется непрерывно
На горе Огура.

* * *

Все осыпались листья
На багряных ветках плюща,
Что обвивает сосны.
Видно, там, па соседних горах,
Бушует осенняя буря.

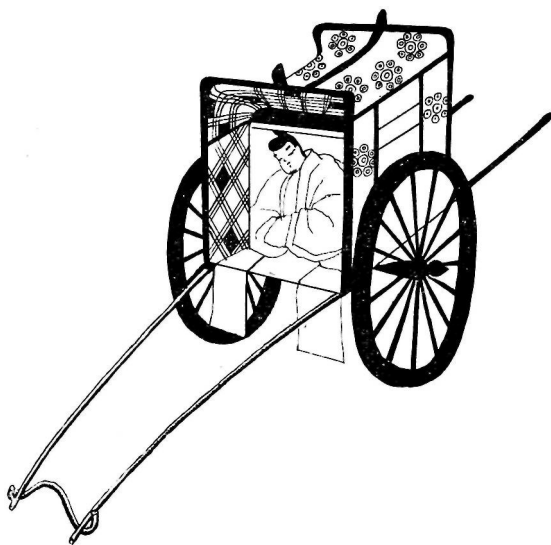
Последний день осени

Осень уже прошла, —
Знает по всем приметам
Лесоруб в горах.
Мне б его беспечное сердце
В этот вечер угрюмый!

* * *

К чему сожаленья мои?
Даже вечерний колокол
Уже по-иному гудит.
Вижу, прихвачены стужей,
Росинки рассыпались инеем.

Зима

* * *

Луну ожидала
Так долго вершина горы!
Рассеялись тучи!
Есть сердце и у тебя,
Первая зимняя морось!

* * *

В дальнем селенье
На склоне горы Огура
Осыпались клены.
Сквозь оголенные ветви
Я гляжу на луну.

Листья осыпаются на рассвете

«Как будто дождь?» —
Прислушался я, пробужденный
На ранней заре.
Но нет, это листья летят...
Не вынесли натиска бури.

Горная хижина в зимнюю пору

Нет больше тропы.
Засыпали горную хижину
Опавшие листья.
Раньше срока пришло ко мне
Зимнее заточенье.

Листья облетают над водопадом

Спутники вихря,
Верно, с горной вершины
Сыплются листья?
Окрашены в пестрый узор
Водопада белые нити.

*Сочинил в храме Соринджи стихи на тему:
«Полевые травы во время
зимних холодов»*

Я видел летний луг.
Там всеми красками пестрели
Бессчетные цветы.
Теперь у них, убитых стужей,
Один-единный цвет.

* * *

Инеем занесена
Трава на увядшем лугу.
Какая печаль!
Где сыщет теперь отраду
Странника сердце?

Песня зимы

Возле гавани Нанива
Прибрежные камыши
Убелены инеем.
Как холоден ветер с залива,
Когда забрезжит рассвет!

* * *

О весна в стране Цу,
На побережье Нанива,
Ужель ты приснилась мне?
В листьях сухих камыша
Шумит, пролетая, ветер.

* * *

Когда б еще нашелся человек,
Кому уединение не в тягость,
Кто любит тишину!
Поставим рядом хижины свои
Зимою в деревушке горной.

Дорожный ночлег в студеную ночь

Дремота странника...
Мое изголовье — трава —
Застлано инеем.
С каким нетерпеньем я жду
Тебя, предрассветный месяц!

Луна над зимними лугами

Лунный прекрасен свет,
Когда сверкает россыпь росы
На вишневых цветах,
Но печальная эта луна
Над зимним увядшим лугом...

Зимняя луна озаряет сад

Глубокой зимой
Как слепительно ярко
Блещет лунный свет!
В саду, где нет водоема,
Он стелется, словно лед.

Соколиная охота в снежную пору

Густо падает снег...
В темноте не увидишь,
Где затаился фазан.
Только крыльев внезапный вспорх
Да ястреба колокольчик.

*Когда уже все было занесено снегом, я послал
эти стихи одному другу. Осенью он сулил
навещать меня, но не сдержал слова*

Теперь она без следа
Погребена под снегом!
А ждал я, мой друг придет,
Когда устилала тропинки
Кленовых листьев парча.

*Послал как новогодний дар одному
знакомому человеку*

Быть может, невольно сам
Меня, молчальника, старый друг
С тоской вспоминал иногда,
Но пока в нерешимости медлил,
Окончился старый год.

Песни
любви

* * *

Далёко от всех,
В ущелье меж горных скал,
Один, совсем один,
Незрим для взоров людских,
Предамся тоскующей думе.

* * *

На летнем лугу,
Раздвигая густые травы,
Блуждает олень,
И беззвучно, безмолвно
Сыплются капли росы.

Любовная встреча во сне

Какую радость
Мне принесла в сновиденье
Встреча с тобою!
Но после еще грустнее
Тебя вспоминать наяву.

* * *

Встретились снова...
Но ведет к тебе лишь один
Путь сновидений.
Пробужденье — разлука.
О, если б не просыпаться!

* * *

Но если сон
(Мы верим, что только сон) —
Жизнь наяву,
Тогда и любовные встречи,
Как всё на свете, напрасны.

* * *

Пришлось разлучиться нам,
Но образ ее нигде, никогда
Я позабыть не смогу.
Она оставила мне луну
Стражем воспоминаний.

* * *

Предрассветный месяц
Растревожил память о разлуке.
Я не мог решиться!
Так уходит, покоряясь ветру,
Облако на утренней заре.

* * *

Она не пришла,
А уж в голосе ветра
Слышится ночь.
Как грустно вторят ему
Крики пролетных гусей!

* * *

Не обещалась она,
Но думал я, вдруг придет.
Так долго я ждал.
О, если б всю ночь не смеркалось
От белого света до белого света!

* * *

«Несчастный!» — шепнешь ли ты?
Когда бы могло состраданье
Проснуться в сердце твоём!
Незнатен я, но различий
Не знает тоска любви.

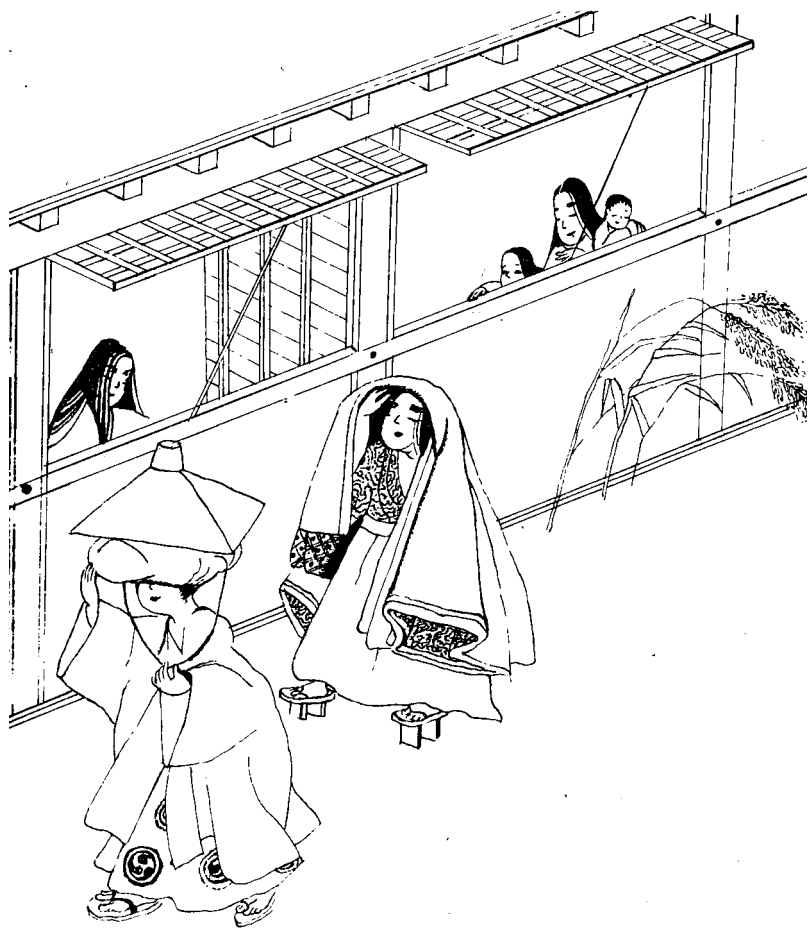
* * *

Я знаю себя.
Что ты виною всему,
Не думаю я.
Лицо выражает укор,
Но влажен рукав от слез.

* * *

Меня покидаешь...
Напрасно сетовать мне,
Ведь было же время,
Когда ты не знала меня,
Когда я тебя не знал.

Разные
песни

Из десяти песен о непостоянстве бытия

«Светло — спокойно
Я б умереть хотел!» —
Мелькнуло в мыслях,
И тотчас сердце мое
Откликнулось эхом: «Да!»

*Когда я посетил Митиноку, то увидел высокий
могильный холм посреди поля. Спросил я, кто
покоится здесь. Мне ответствовали: «Это могила
некоего тюдзё». — «Но какого именно тюдзё?» —
«Санэката-асон», — поведали мне. Стояла зима,
смутно белела занесенная инеем трава сусуки,
и я помыслил с печалью:*

Нетленное имя!
Вот все, что ты на земле
Сберег и оставил.
Сухие стебли травы —
Единственный памятный дар.

*Совершая паломничество в Митиноку,
я становился на заставе Сиракава. Не оттого ли
сильнее обычного заворожила меня печальная
красота луны? Ноин — когда это было? — сказал,
возвратясь сюда: «Ветер осени свищет теперь...»
Вот что вспомнилось мне, и в тоске сожалений
[о покинутой столице] начертил я на столбе
сторожевых ворот:*

На заставе Сиракава
Лучи сочатся сквозь кровлю.
О, этот лунный свет!
Словно сердце мое
Он неволит: останься!

*Песня разлуки, сложенная по случаю отъезда
одного из моих друзей в край Митиноку*

Если уедешь вдаль,
То, даже луну ожидая,
Я буду глядеть с тоской
На восток, в сторону Адзума,
На вечернее темное небо.

*Сочинено мною, когда на горе Коя слагали стихи
на тему: «Голос воды глубокой ночью»*

Заблудились звуки.
Лишь буря шумела в окне,
Но умолк ее голос.
О том, что сгущается ночь,
Поведал ропот воды.

*Стихи, сложенные мною, когда я посетил
край Адзума*

Разве подумать я мог,
Что вновь через эти горы
Пойду на старости лет?
Вершины жизни моей —
Сая-но Накаяма.

* * *

Порою заметишь вдруг:
Пыль затемнила зеркало,
Сиявшее чистотой.
Вот он, открылся глазам —
Образ нашего мира!

* * *

Непрочен наш мир.
И я из той же породы
Вишневых цветов.
Все на ветру облетают,
Скрыться... Бежать... Но куда?

* * *

Меркнет мой свет.
Заполонила думы
Старость моя.
А там, вдалеке, луна
Уже идет на закат.

* * *

Возле заглохшего поля
На одиноком дереве
Слышен в сумерках голос:
Голубь друзей зовет.
Мрачный, зловещий вечер.

*Когда я шел в край Адзума, чтобы предаться
делам подвижничества, я сложил стихи при виде
горы Фудзи*

Стелется по ветру
Дым над вершиной Фудзи.
В небо уносится
И пропадает бесследно,
Словно кажет мне путь.

* * *

Не помечая тропы,
Все глубже и глубже в горы
Буду я уходить.
Но есть ли на свете место,
Где горьких вестей не услышу?

* * *

Когда бы в горном селе
Друг у меня нашелся,
Презревший суетный мир!
Поговорить бы о прошлом,
Столь бедственно прожитом!

* * *

Берег залива.
Среди молчаливых ветвей
Засохших сосен
Ветер перенимает
Голос морской волны.

* * *

Тоскую лишь о былом.
Тогда любили прекрасное
Отзывчивые сердца.
Я зажился. Невесело
Стареть в этом мрачном мире.

* * *

В «Старом селенье»
Куда он дошел, чернобыльник?
До самого дома?
Но гуще всего разросся
В давно одичалом саду.

* * *

Не узнаю столицы.
Такой ли я видел ее?
До чего потускнела!
Куда же сокрылись они,
Люди былых времен?

* * *

Внезапный ветер
Сломает хрупкие листья
Банановой пальмы,
Развеет... Неверной судьбе
Могу ли еще верить?

* * *

В саду моем
Одна на высоком холме
Стоит сосна.
С тобой, единственный друг,
Встречаю старость свою.

* * *

Если и в этих местах
Дольше жить мне прискучит,
Вновь потянет блуждать,
Тогда какой одинокой
Останется эта сосна!

*Отправляясь паломником в дальние края,
я сказал людям, огорченным разлукой со мной:*

Обещаю, друзья!
День свидания назову,
Чтоб утешить вас,
Но когда ворочусь опять,
Я, по правде, не знаю...

* * *

Когда глубоко уйду
В печальные воспоминанья,
Еще прибавит тоски
Этот уныло гудящий
Колокол на закате.

* * *

Удрученный горем
Так слезы льет человек...
О, цветущая вишня,
Чуть холодом ветер пронзит,
Посыплются лепестки.

*В бытность мою в Сага там слагали стихи
о детских забавах*

Мальчик где-то вблизи
В соломенную свистульку
Для забавы подул.
Вспугнута, вдруг прервалась
Летнего дня дремота.

* * *

Бамбукового конька,
Палочку оседлать бы
Я и теперь готов,
Только придут на память
Детские игры мои.

* * *

Как в детстве бывало,
В прятки вновь поиграть
Мне так захотелось,
Когда в укромном углу
Я отдохнуть прилег.

* * *

Мальчик согнул тростинку,
Маленький лук натянул
Для «воробьиной охоты».
Как надеть он хотел бы
«Воронью шапку» стрелка!

* * *

Так и тянет меня
Поиграть вместе с ними
Во дворе песком.
Но увы! Я — взрослый,
Нет мне места в игре.

* * *

На закате солнца
Колокол громко загудел,
Но в горном храме
Все еще хором читают книгу...
Как прекрасны детские голоса!

* * *

С теми, кого любил,
Мог я шутить беспечно.
Давно прошедшие дни.
Каким еще было юным
В то время сердце мое!

* * *

Вот кремушек брошен,
Одно мгновенье летит —
Упал на землю.
С такой быстротой
Пронесется солнца и луны.

*Взирая на картины,
изображающие ад*

Взглянешь — ужас берет!
Но как-то стерпеть придется,
О сердце мое!
Ведь есть па свете грехи,
Такой достойные кары.

* * *

Увы нам, увы!
На эти жестокие муки
Гляжу, гляжу...
Зачем мы даем себя, люди,
Мирским соблазнам увлечь?

* * *

Не в силах прогнать
Сумятицу мыслей тревожных
О близком конце,
В нашем мгновенном мире
Блуждаем мы... О, быстротечность!

* * *

Редких счастливцев удел.
Привав человеческий образ,
Выплыли вверх наконец.
Но опыт не впрок... Все люди
В бездну вновь погрузятся.

* * *

Меч при жизни любил...
Гонят теперь взбираться
По веткам Древа мечей.
Заграды рогатые копы,
Щетинясь, впиваются в грудь.

* * *

Клинком закаленным
Меча с когтями железными,
Не зная пощады,
Тело разрубят наискось,
Кромсают... Какая скорбь!

* * *

Тяжелые скалы
Там громоздят горой
В сто сажен, тысячу сажен,
И в щебень дробят... За что
Такое грозит наказание?

Область ада, где, «набросив веревку с черной тушью», рубят, как дерева

Души грешников —
Теперь на горе Сидэ
Лесные заросли.
Тяжелый топор дровосека
Рубит стволы в щепу.

* * *

Единое тело
На много частей изломает,
Развевет ветер...
В аду костром пламенеть —
Увы! Печальная участь!

* * *

Но вот что страшней всего:
Вырвут язык из гортани...
Какая лютая казнь!
О самом своем сокровенном
Хотеть — и не мочь говорить.

*Область, где в черном пламени
страждут мужчины и женщины*

Невиданной силы
Там черное пламя пылает.
Адское пекло!
За все нечистые мысли
Вот оно — воздаянье.

* * *

На части рассекут.
Но мало этого. Готовят
Расплавленную медь.
Вольют ео в глубины сердца,
Омоют страждущую плоть.

* * *

В прах, в мельчайшую пыль
Превратили... Конец бы, казалось,
Но нет! Из небытия
Для новых мук воскрешают...
Воскреснуть! Ужасное слово.

* * *

О, горе! Родная мать,
Вспоившая некогда грудью,
Забыта даже она.
Все думы лишь об одном!
О собственных страшных муках.

* * *

Куда мой отец
Сокрылся после кончины,
Не ведаю даже я,
Хоть, верно, мы задыхаемся
В одном и том же огне.

*Слышал я, что если случится пробудить в себе
«истинное сердце», то даже в пламени
Вечного ада Аби возможно просветление*

Пускай без роздыху
Терзают лютые муки
В самом яром пламени,
Разбуди в себе сердце свое,
И придет наконец озаренье.

*Если ввериться сияющему лику будды Амида,
что озаряет глубины преисподней, не отвращаясь
от созданий, вверженных туда за тяжчайшие
грехи, тогда и кипящее зелье в адских котлах
превратится в чистый и прохладный пруд,
где распустятся лотосы*

Свыше свет воссияет,
И даже котел, кипящий в аду
С неослабным жаром,
Станет вдруг прохладным прудом,
Где раскроется чистый лотос.

*В поучениях Микава-но нудо сказано:
«Если даже сердце твое тому противится,
должно хотя бы против собственной воли
научиться верить». Вспомнив сей завет,
сложил я:*

О сердце, узнай!
Пускай ты поверить не в силах,
Но в множестве слов
Должны же найтись слова,
Что к вере тебя приневолят.

* * *

Глупому сердцу,
Вот кому всю свою жизнь
Ты слепо вверялся,
Но настигнет последняя мысль:
«Так что ж теперь будет со мной?»

*Из судилища князя Эмма адский страж уводит
грешника туда, где в направлении Пса и Вепря
виднеется пылающее пламя. «Что это за
огонь?» — вопрошает грешник. «Это адское
пламя, куда ты будешь ввергнут», — отвечает
страж, и грешник в ужасе трепещет и печалится.
Так повествовал о сем в своих проповедях
Тюин-содзу*

Осужденный спросил:
«Зачем во тьме преисподней
Пылает костер?»
«В это пламя земных грехов
И тебя, как хворост, подбросят».

* * *

Его влекут на казнь.
Не сбросить на пути тугие путы.
Веревкой стянут он.
Подумать только — страх берет!
Ручные кандалы, канга на шее...

Так адский страж приводит грешника к вратам преисподней. И пока их не отворят, демон, отложив в сторону железный бич, терзает ученика острыми когтями укоризны: «Ведь лишь вчера, лишь сегодня вышел ты из этого ада. А когда покидал его, многократно наставляли тебя, чтоб ты вновь сюда не возвращался. Но ты опять через самое малое время возвратился в геенну. И не по вине других людей. Нет, тебя вновь ввергло в бездну твое собственное неразумное сердце. Не укоряй же никого, кроме себя». Из диких глаз демона льются слезы. Адские ворота отворяются с шумом, более оглушительным, чем грохот ста тысяч громовых ударов

Укажут грешнику: «Вот здесь!»
И он услышит страшный грохот!
Отверзлись адовы врата.
Какой его охватит ужас!
Как, верно, вострепещет он!

И вот из зияющего жерла раскрытых адских врат вырвется вихрь свирепого огня и достигнет грешника с диким воем, — нет слов, чтобы описать это зрелище! Весь охваченный пламенем, грешник внидет в геенну. Врата закрывают наглухо крепким затвором. Адский страж идет в обратный путь, уныло повесив голову, он полон жалости, что вовсе не вяжется с его грозным обликом. И не успеет грешник возопить: «О, горе! Когда же я выйду отсюда?» — как его начинают терзать лютыми муками. Остается только взывать о помощи к бодхисаттве преисподней. Лишь его божественное милосердие

*способно проникнуть в сердцевину пламени,
подобно утреннему рассвету, чтобы посетить
и утешить страждущего. Бодхисаттва
преисподней — так именуют Дзидзо*

Раздвинув пламя,
Бодхисаттва приходит утешить.
О, если бы сердце
Могло до конца постичь:
Сострадание — высшая радость!

* * *

Э! Духом не падай!
Ведь если блеснет милосердие
Небесным рассветом,
Ужель ускользнуть невозможно
Из самой кромешной тьмы?

* * *

Но если заслуги нет,
Чтобы могла тебя выкупить
От неизбывных мук,
Снова, уловленный пламенем,
Ты возвратишься в геенну.

* * *

Лениво, бездумно
Ты призывал имя Будды,
Но эта заслуга
Спасет тебя от страданий
На самом дне преисподней.

* * *

Растают муки,
Как исчезает ледок
Под утренним солнцем.
Знает шесть кругов бытия
Это рассветное небо.

*По всей стране войны встают на брань, и нет
такого места, будь то на западе или востоке,
на севере или юге, где не шли бы сражения.
Страшно слышать, какое множество людей
погибает! Даже не верится, что это правда. Увы!
Из-за чего же возгорелась распря? Бедственные
времена! — помыслил я*

Сидэ-но яма.
Идут несметные полчища
Через Горы смерти.
И все не видно конца!
Растет число убиенных...

*Ныне одни лишь войны толпами движутся
в запредельную страну мертвых через Сидэ-но
яма. Им незачем страшиться горных
разбойников. Великое утешение, случись это
в нашем мире! Довелось мне слышать, как войны
переправляются через реку на плоту из боевых
коней, — кажется, то было в битве на реке Удзи.
Вспомнив это, сложил я:*

Как разлилась широко
Река в горах Сидэ-но яма.
Там войны тонули,
И даже плот из боевых коней
Их донести до берега не мог.

Однажды во дворце принцессы Дзёсанмон-ин молодые придворные беседовали с госпожой Хёэ-но цубонэ. «Ныне всех занимают лишь вести с полей битвы, о поэзии и думать позабыли», — сетовала она. И вот в лунную ночь на поэтическом сборище стали слагать танка и низать рэнга строфу за строфой. Когда же в рэнга были помянуты воины, она в свою очередь сложила двустиише:

Озаряет поле сраженья
Месяц — туго натянутый лук.

Ко мне в Исэ пришли люди из столицы и поведали: «Вот какую строфу сочинила Хёэ-но цубонэ. Но тут все умолкли, никто не мог далее продолжить рэнга». Услышав это, я добавил к ней такую строфу:

Сердце в себе умертвил.
Подружилась рука с «ледяным клинком».
Или он — единственный свет?

«Что и говорить, война длится без конца», — толковали мы, а той порой в самый разгар военных действий скончалась Хёэ-но цубонэ. И, вспомнив, каким клятвенным обещанием мы связаны, я исполнился глубокой печали

«Кто первым из нас уйдет,
Пусть другу в загробном мире
Послужит проводником», —
Вспомнил я, отставший в пути,
Эту клятву с такою болью!

*О том, каково на сердце блуждающему
в «Срединном пространстве»*

С какою силой
Тоска его одолеет!
Глухие потемки,
А он, одинокий, бредет,
Не различая дороги.

* * *

«Река тройной переправы».
Как трепещет сердце твое,
Безрассудный грешник!
В самом погибельном месте
Ты переходишь вброд.

Когда слагали стихи о нынешних временах

Даже постигнув суть
Этого бренного мира,
Все же невольно вздохнешь:
Где они, мудрые люди?
Ныне нигде их нет.

* * *

Судишь других:
То хорошо, это худо...
Вспомни меж тем,
Много ли в нашем мире
Знаешь ты о самом себе?

* * *

«Так я и ждал беды!» —
Человек в мановение ока
Упал на самое дно.
Сколько глубоких ямин
Уготовил для нас этот мир!

* * *

Не знает покоя!
Поистине мир в наши дни,
Будто утлая лодка,
И по волнам не плывет,
И от берега отделился.

*Сложил стихи
о «прозрении истинного сердца»:*

Рассеялся мрак.
На небосводе сердца
Воссияла луна.
К западным склонам гор
Она все ближе, ближе...

Комментарии

В основу перевода на русский язык положено издание «Горной хижины» («Санкасю») с вводной статьей и комментариями Кадзамаки Кэйдзиро в томе 29 серии «Главные произведения японской классической литературы» (Токио, изд-во «Иванами сётэн», 1974). Были использованы также комментарии Ито Ёсио («Санкасю», Токио, изд-во «Асахи симбунся», 1954). Большую помощь переводчику оказало весьма обстоятельное научное исследование Кубота Сёити, посвященное поэзии Сайгё и его творческой биографии (Кубота Сёити. Сайгё-но кэнкю. Токио, изд-во «То-кёдо», 1961).

При отборе стихов были привлечены японские антологии: «Синкокинвакасю» (серия «Главные произведения...», т. 28. Токио, «Иванами сётэн», 1967), а также «Нихонсикасю» («Антология японской поэзии», составитель Ямамото Кэнкити. Токио, изд-во «Хэйбонся», 1960) и другие.

Переводчик стремился избрать немногое, но лучшее из всех главных тематических разделов книги.

Часть стихотворных переводов опубликована в томе БВЛ «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии». Там же помещены подборки поэтов, предшественников и современников Сайгё (Фудзивара Тосинари, Сикиси-найсинно, Фудзивара Садаиэ).

* * *

Сложил в первое утро весны (стр. 31). — Имеется в виду «риссюн» — начало астрономической весны, когда солнце достигает 315° небесного экватора. По современному солнечному календарю приходится, примерно, на 4 февраля.

Поэт изображает пейзаж возле горной хижины. Влажная дымка — один из первых признаков весны в Японии. Словами о том, что всего прекрасней весенний рассвет, открывается знаменитая книга Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» (конец X в.). См. русский перевод (М., «Художественная литература», 1975).

Стр. 32. Река «Голубой водопад» (Аотакигава) — приток реки Окигавы. Течет у подножия гор неподалеку от Киото.

О том, как во всех домах празднуют приход весны (стр. 32). — Молодыми соснами или ветками сосен принято украшать ворота дома в новогодний праздник (по лунному календарю переходящая дата). Новый год уже знаменует приход весны.

Дымка на морском побережье (стр. 32). — Старинный способ добывания соли состоял в том, что соль выпаривалась в котлах из морских водорослей.

Вспоминаю минувшее во время сбора молодых трав (стр. 33). — В седьмое утро нового года собирали на поле семь разных весенних трав и варили вместе с рисом. Согласно поверью, вкушивший это кушанье будет здоров целый год (семь считалось магическим числом).

Слива возле горной хижины (стр. 37). — Японская слива, *Plumus tume Sieb, et Zucc.* Ее ярко-алые цветы, распускающиеся в самом начале весны, отличаются сильным ароматом.

Стр. 38. *Сага* — местность к западу от Киото, где находились чтимые буддийские храмы.

Дикие гуси улетают в тумане (стр. 40) . — Гуси весной улетают на север, многие гнездятся на материке.

Стр. 40. *Коси-Но Накаяма* — высокие горы, расположенные в северной области Коси (старинное название). Эта очень большая область занимала почти весь север острова Хонсю, через нее шел трудный путь.

Стр. 42. *Горы Ёсино* (центральная часть префектуры Нара) славятся цветением вишен. С древних времен считались одним из красивейших пейзажей Японии. Вишня-сакура цветут примерно в апреле по новому стилю.

Стр. 45. *Разве не думал я...* — Сердце как бы покидает поэта, отринувшего все земное. Оно улетает к вишням, но красота их недолговечна.

Кисарази (время надевания новых одежд) — старинное название второй луны года. *При свете полной луны* — то есть 15-го числа. Согласно буддийским легендам, в этот день скончался Будда Гаутама.

Стр. 46. *...сановники Весеннего дворца...* — Весенний дворец — резиденция наследника престола. В антологии «Госюивакасю» (1086 г.) есть танка, где говорится, что сановники Весеннего дворца «любуются вишней в цвету, словно это их достояние».

Стр. 47. *Сиракава* (1053—1129) — стал императором в возрасте четырнадцати лет, отрекся от престола в 1072 г., но на протяжении последующих трех царствований занимался государственными делами. Изображается в этой танка как сильный правитель.

Стр. 49. *Горные розы* — ямабуки, *Kerria japonica*. Эти ярко-желтые цветы обычно растут на берегу реки.

Лягушки (стр. 49) . — Лягушки воспеваются в классической японской поэзии начиная с древних времен. В предисловии к антологии «Кокинсю» говорится: «И когда слышится голос соловья, поющего среди цветов, или голос лягушки, живущей в воде, хочется спросить: что же из всего живого на земле не поет собственной песни?» (перевод А. Глускиной). В данном стихотворении лягушки —

символ существа, привязанного к нечистой юдоли, луна — образ высшего просветления.

Стихи, сочиненные в канун первого дня третьей луны (стр. 50). — Третья луна считалась началом календарного лета. В «Записках у изгороля» (см. прим. к с. 31) говорится, что прекрасней всего весной раннее утро, но здесь пальма первенства отдается последнему вечеру весны. Он кажется слишком коротким.

Цветы унохана в ночную пору (стр. 54). — Ранним летом распускаются белые гроздья пятилистковых диких цветов унохана (*Deutzia crenata*). Живые изгороди из кустов унохана — обычная деталь сельского пейзажа. Во время их цветения обычно поет кукушка.

Стихи о кукушке (стр. 55). — Малая кукушка, *Cuculus poliocephalus* Latha. Очень любима в японской поэзии. Поэты стремились услышать ее пение, иногда бодрствуя до рассвета, потому что японская кукушка поет и ночью. О ней сложены легенды, она поет и в царстве мертвых.

Стр. 55. *Ямада-но хара* — название места в провинции Исэ возле старинных синтоистских храмов.

Стр. 56. *Манит тебя померанец...* — Померанец, точнее, мандарин, *Citrus deliciosa* Tenoga. Цветы померанца сильно благоухают. Здесь простая сельская *изгородь* упомянута символически. Поэт просит своих столичных друзей не позабыть его.

Стр. 57. *Дожди пятой луны*. — Эти сезонные дожди — одна из тем японской поэзии о природе.

Смотрю на луну в источнике (стр. 59). — Здесь луна — буддийский символ небесного света.

Стр. 60. *Кита-Сиракава* — старинный дворец, расположенный в северном (дворцовом) районе в Киото.

Стр. 64. *Равнина Миягино* — славится в японской поэзии красотой осенних трав и бело-розовых цветов хаги (леспедыцы). Находится на севере Хонсю возле города Сэндай.

Стр. 72. *Крики первых прилетных гусей.* — Гуси прилетают осенью в Японию зимовать.

Стр. 81. *Гора Огура* — возле Киото, славится осенними кленами. На смену багряным листьям пришла луна.

Сочинил в храме Сориндзи... (стр. 82). — Храм этот стоял на Восточной горе в окрестностях Киото. Возле этого храма находился луг, прославленный красотой своих осенних цветов.

Стр. 83. Побережье вдоль *гавани Нанива* было тогда пустынным местом. Ныне там расположен город Осака.

Страна Цу — старинное название провинции, иначе: Сэтцу. Побережье Нанива прославлено в старой японской поэзии. Так, в антологии «Госюивакасю» содержится тапка: «Людам чуткой души // Хотел бы я сейчас показать // Этот весенний вид // Возле залива Нанива // В дальней стране Цу».

В танка Сайгё, по мнению некоторых комментаторов, выражена тоска по безвозвратно ушедшей эпохе.

Из десяти песен о непостоянстве бытия (стр. 93). — Считается, что цикл этот, входящий в состав «Ста песен», был создан Сайгё в молодости, до его пострижения в монахи.

Когда я посетил Митиноку... (стр. 94). — *Митиноку* — старинное название северного края, включавшего в себя пять провинций. *Санэката-асон*... — Асон — почетное звание аристократа; *тюдзё* — военачальник второго ранга. Санэката-асон был сослан на север после ссоры с одним из могущественных сановников из правящего рода Фудзивара. *Трава сусуки* (мискант) — имеет вид высоких метелок. *Единственный памятный дар.* — Существует японский обычай перед смертью завещать своим друзьям памятные дары.

Стр. 94. *Застава Сиракава* — находилась на пути из Хэйана на север. Поэт Ноин (988—1050) сложил здесь знаменитое стихотворение: «Когда покидал я столицу, // Дорожным товарищем моим // Была осенняя дымка. // Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава».

Стр. 95. *Адзума* — старинное название для восточных провинций. Поэт смотрит на восток в ожидании восхода луны, но вспоминает, что друг его находится там за горами, и вместо радости чувствует печаль.

Вершины жизни моей — // *Сая-но Накаяма*. — Горы, знаменитые в японской поэзии. Находятся в префектуре Сидзуока. Сайгё перешел через них в молодости и вновь совершил этот путь в семьдесят лет; между этими двумя путешествиями прошла целая жизнь.

Стр. 99. «*Старое селенье*» — то есть: родина. Сайгё вспоминает столицу Хэйан, некогда столь цветущую, а теперь заброшенную, заросшую травой.

Стр. 102. «*Воронья шапка*» *стрелка* — церемониальная шапка стрелка треугольной формы из черного шелка или бумаги, надевалась на лоб.

В з и р я н а к а р т и н ы , и з о б р а ж а ю щ и е а д (стр. 103). — Во времена Сайгё славились картины, изображающие ад, на стене храма Тёракудзи в Киото. Эти картины, созданные художником Косэ Хиротака, не сохранились. Однако до наших времен дошел свиток XII в., где изображены ужасы буддийского ада.

Стр. 104. *Редких счастливых удел*. — Согласно буддийскому учению, нелегко стать человеком в цепи перевоплощений. Этот счастливый удел достается немногим существам; человек может достичь нирваны, низшим существам это не дано.

Заграды рогатые копыя... — Копья в виде двузубца или трезубца выставлялись вперед для заграждения против наступающего врага.

Меч с когтями железными... — род средневекового оружия.

Область ада, где, «набросив веревку с черной тушью...» (стр. 105). — Такой веревкой помечали деревья, назначенные на сруб. *Гора Сидэ* — гора смерти (см. предисловие, с. 24).

Стр. 107. «*Истинное сердце*». — См. предисловие, с. 23. *Вечный ад Аби*. — См. предисловие, с. 25.

Если ввериться сияющему лику будды Амида... (стр. 107). — См. предисловие, с. 8.

Стр. 107. *Микава-но н ю д о*. — Возможно, имеется в виду поэт из аристократов, один из составителей антологии «Кинъёсю» («Собрание золотых листьев»; 1124). Постригся в монахи и стал известным буддийским вероучителем. Побывал в Китае.

Стр. 108. *Эмма*. — См. предисловие, с. 24. ...*в направлении Пса и Вепря*... — Пес и Вепрь — циклические знаки, служащие для обозначения времени и сторон света: здесь северо-западное направление. *Тюин-содзу*. — Неизвестно, о ком идет речь; содзу — буддийский священнослужитель высокого ранга.

Канга — род деревянной колодки.

Стр. 110. *Бодхисаттва преисподней*... — См. предисловие, с. 25.

Стр. 111. *Знает шесть кругов бытия*... — или дорог бытия. Душа в круговороте жизни и смерти странствует по шести дорогам: три из них хорошие, а три дурные. Душа может переселиться в человека, в демона (асура), подняться на небеса. Или же ей грозит страшная дорога вниз. За свои грехи она может попасть в ад, воплотиться в животное или в «голодного черта». На упомянутом свитке XII в. изображены грешные души, терзаемые голодом. Это, по сути дела, страшные картины действительности, с необычайной силой, выразительно и реально изображенные художником.

Стр. 112. *Плот из боевых копей*. — Коней при переправе связывали вместе, воины брались за руки и так переправлялись вместе, поддерживая более слабых. Подобные эпизоды встречались в народном героическом эпосе. Сайгё в своих стихах о войне близок к народным певцам того времени.

Однажды во дворце принцессы Дзёсанмон-ин... (стр. 113). — Эта принцесса была дочерью государя Тоба. Ее придворная дама *Хёэ-но цубонэ* была талантливой поэтессой и обменивалась стихами с Сайгё.

Во время того эпизода, о котором повествует Сайгё, ему было шестьдесят семь лет, поэтесса была несколько старше. Когда на поэтическом собрании сочиняли рэнга (см. предисловие, с. 17), Хёэ-но цубонэ создала строфу о войне. Тема была неканоническая, и никто из поэтов не мог придумать продолжение. Завершить танка мог лишь один Сайгё. Конечно, читать ее можно и в обратном порядке, то есть сначала трехстишие, лишь тогда получится танка, обычная по своей форме. «*Ледяной клинок*» — особым образом закаленная сталь. Серповидный месяц холодно освещает ужасное зрелище. Чтобы убивать людей, надо сначала умертвить собственное сердце. Блеск меча, зажатого в руке, для воина — единственный свет.

О том, каково на сердце... (стр. 114). — Согласно буддийским легендам, между земным и загробным миром лежит «*Срединное пространство*», пустое и темное, где душа умершего блуждает семьдесят семь дней и ночей, пока не достигнет обители мертвых.

Стр. 114. «*Реки тройной переправы*». — См. предисловие, с. 24.

Сложил стихи о «прозрении истинного сердца» (стр. 116). — Танка эта завершает антологию «Синкокинсю». После долгих скитаний в стихах поэта торжествует тема луны — то есть вечной истины, и слово «конец» в книге и человеческой жизни теряет свое мрачное значение. Такова, как полагают, была мысль составителя антологии.

Вера Маркова

Содержание

<i>Вера Маркова.</i> Предисловие	5
Времена года	
Весна	29
Лето	51
Осень	61
Зима	79
Песни любви	85
Разные песни	91
Комментарии	117

Сайгё

С14 Горная хижина. Пер. со старояп. Веры Марковой. Вступительная статья, коммент. Веры Марковой. М., «Худож. лит.», 1979.

127 с.

«Горная хижина» — сборник пятистиший знаменитого японского поэта XII века Сайгё.

Для творчества Сайгё, шившего в кровавую эпоху становления военного феодализма в Японии, характерны мотивы скорби. Полные трагизма стихи о любви, картины природы, философские размышления составляют содержание этой книги. Стихи собраны в циклы по временам года, есть также цикл «Песни любви».

70404-352
С _____ **226-78**
028(01)-79

И(Яп)

Сайгё

ГОРНАЯ ХИЖИНА

Редактор *В. Санович*

Художественный редактор *Ю. Коннов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректоры *А. Влазнева* и *Л. Эткина*

ИБ № 1021

Сдано в набор, 18.05.78. Подписано к печати 16.01.79. Формат 70x90¹/₃₂. Бумага машмелованная. 4,668 усл. печ. л. 3,664 уч.-из. л. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Заказ № 8—171. Тираж 25000.

Цена 50 к.

Издательство «Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень» РПО «Поліграфкнига»
Госкомиздата УССР. Киев, Артема, 23а.

